ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 81:373 DOI: 10.31249/scis/2024.03.05

Задорожнюк Э.Г.*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛАВИСТИКА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Zadorozhnyuk E.G.

DOMESTIC SLAVIC STUDIES: OLD PROBLEMS AND NEW APPROACHES

Аннотация. Анализируются определения славистики как науки о языках, литературе, фольклоре, истории, материальной и духовной культуре славянских народов. Ставится акцент на ней как на интернационализированной области научных исследований, включающей такие их политические импликации как идеи славянского «единства» и даже «братства», которые подвергаются постоянным испытаниям в ходе истории. Отмечено, что в современной славистике исторические исследования взаимно дополняются исследованиями языка и культуры, не ограничивая, а как раз расширяя свои диапазоны, а отечественное славяноведение по ширине охвата и глубине анализа можно сравнивать с востоковедением. Рассматриваются аспекты новых подходов к исследованию ментальностей славянских народов и феномен берестяных грамот. Отмечено, что на славистику возлагается усложняющаяся миссия оживления коллективной па-

* © *Задорожнюк Элла Григорьевна* – доктор исторических наук, заведующая отделом, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; elzador46@mail.ru ORCID: 0000–0003–2328–810 X

Zadorozhnyuk E/G. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; elzador46@mail.ru ORCID: 0000–0003–2328–810 X

мяти об общей культуре и истории, которая реализуется не только через реконструкцию идей славянского единения, но главным образом через научные исследования теоретического и в основном эмпирического характера.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание; славистика; русистика; славяноведение; берестяные грамоты; всероссийские совещания по славистике; национальные образы; ментальность.

Abstract. The definitions of Slavic studies as a science of languages, literature, folklore, history, material and spiritual culture of Slavic peoples are analyzed. It is emphasized as an internationalized field of scientific research, including such political implications as the ideas of Slavic “unity” and even “brotherhood”, which are constantly tested in the course of history. It is noted that in modern Slavic studies, historical studies are mutually complemented by studies of language and culture, not limiting, but just expanding their ranges, and domestic Slavic studies in terms of the width of coverage and depth of analysis can be compared with oriental studies. Aspects of new approaches to the study of the mentality of Slavic peoples are considered, the phenomenon of birch bark letters is characterized. It is noted that Slavic studies are entrusted with the growing mission of reviving the common memory of a common culture and history, which is realized not only through the reconstruction of the ideas of Slavic unity, but mainly through scientific research of a theoretical and mainly empirical nature.

Keywords: comparative historical linguistics; Slavic studies; Russian studies; Slavic studies; birch bark letters; All-Russian meetings on Slavic studies; national images; mentality.

Введение

Славистика в общем определяется как наука, изучающая языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов, насчитывающих 290 млн человек в Европе и более 300 млн в мире. Она является одним из фундаментальных гуманитарных направлений российской науки, которое выросло из сравнительно-исторического языкознания и оказывало значимое влияние на такие дисциплины как фольклористика, этнография (включая этногенез), история, языкознание, культурология,

литературоведение, история духовной культуры (именно здесь возможны дополнения: история идей, история понятий и история ментальностей), а также все в большей мере политология.

В целом славистика представляет собой в значительной мере «интернационализированную» область научных исследований, особенно если принимать во внимание такие ее политические импликации как идеи славянского «единства» и даже «братства» [Zadorozhnyuk, 1993]. Они подвергаются постоянным испытаниям в ходе истории, но каковым бы ни было ухудшение политической конъюнктуры – а неблагоприятные факторы таковой были всегда – это лишь на время суживает диапазоны совместных академических исследований, особенно в современных условиях, когда все полнее используются компьютерные технологии для дистанционных контактов между славистами.

Статус концептов и понятий

Славистика была и остается предельно «интернационализированной» областью научных исследований, при том, что в определениях ее статуса наблюдается предельная диверсификация. Ни в англо-, ни в немецкоязычных современных энциклопедических изданиях нет упоминаний о славистике или славяноведении, есть лишь статьи под названием «славянские языки». Не приводится слово «славистка» во франко- и испаноязычных объемных справочных изданиях, лишь в двух строчках оно прописывается в итальянской энциклопедии, причем тоже идентифицируется со славянской филологией [Grane Enciclopedia, 1987, v. 18, p. 200].

Крайне интересна презентация слов, связанных со славянством, в «Оксфордском словаре английского языка» [Oxford, v. 15], который примечателен тем, что в нем приводятся первые даты употребления слов на английском языке и даты придания им новых значений. Относительно известного слова «slav (e)» даются три определения: первое «славянский» охватывает гнездо слов, связанных с данным суперэтносом; второе обозначает «раб» или «рабский»; наконец, третье указывает на племя индейцев в Канаде. Чтобы различить два первых значения, слова́, связанные со славянством, пишутся в словаре с большой буквы, а со вторым значением – со строчной.

Впервые слово «Slav» было употреблено в 1378 г. одновременно как имя существительное и прилагательное для характеристики деятельности Кирилла и Мефодия; а вот второй вариант «Slave» появился только в 1834 г. [Oxford, v. 15, p. 669]. Слово «Slavian» («славянский») с некими политическими коннотациями появилось на печатных страницах в 1836 г., а с 1883 г. получило распространение слово «Slavonization» («славификация»). Слово «Slavonism» («славизм») для указания на некие идейные течения появилось чуть ранее – в 1880 г., а за ним слово «Slavist» («славист»), причем (тоже с большой буквы). Оно начало с неким запозданием связываться с активностью славянофила Й. Шафарика и бытовало с 1863 г. (с маленькой буквы ранее – «slavist» – это же слово указывало на приверженца рабства) [Ibid., p. 670].

Примечательна непростая история слова славистика («Slavistic»), которое начало употребляться лишь с начала 1880-х годов и то только для указания на исследования славянских языков. Но даже в этом усеченном значении оно сохранялось лишь на периферии разнородных славистических исследований в Великобритании. Они начали интенсифицироваться, в частности по политическим причинам в ходе Первой мировой войны по самым разным направлениям, вылившись к 1915 г. в создание школы славянских исследований при Лондонском университете. Правда, слово «Slavistic» для обозначения изучения не только славянских языков, но и культурных реалий попытался закрепить английский исследователь В. Морфилл в 1883 г., употребив его в англоязычном журнале «Славянская литература». После этого он выпускал грамматики польского (1884), сербского (1887), русского (1889) и чешского (1899) языков, за последнюю был избран в члены Чешской академии наук. Однако, согласно все тому же «Оксфордскому словарю», очередной раз это слово было упомянуто лишь в 1956 г. в журнальной статье, в которой отмечалось, что синхронической грамматики славянских языков как ответвления славистики всё еще не существует. Однако британские и все англоязычные исследователи проблемами славистики занимались весьма интенсивно; писали книги и публиковали статьи по всем ее направлениям, выступали на научных конференциях зачастую с ключевыми докладами. В них можно встретить слова «Slavistic», «Slavonism», «Slavonish», «Slavonian», «Slavonic» и др.

В статье «Slav» еще одного Оксфордского словаря – исторического – в числе славянских народов перечисляются «русские, болгары, сербо-хорваты, поляки, чехи, моравы, венды или словенцы», но не упоминаются ни украинцы, ни белорусы, а заодно и словаки [Oxford, 1967, v. 2, p. 1912]. В статье под названием «Украинский» употребление данного прилагательного привязывается только к 1816 г. и связывается «с южной областью России», а лишь в 1886 г. оно приводится для упоминания об «украинском славянском диалекте» [Ibid., p. 2279].

Немецкоязычная славистика – одна из наиболее развитых. Языки и культура славян в рамках Австро-Венгерской империи и германских государств, а затем империи Германской, Веймарской республики, «Третьего рейха», Федеративной Республики Германия изучались постоянно и весьма интенсивно. Но вот слова «славистика» и «славяноведение» в немецкоязычные справочные так и не вошли – за исключением словаря Мейерса, выпущенного в Германской Демократической Республике в 1975 г. В нем славистика определяется как совокупность знаний о материальной и духовной жизненной среде славянских народов, их языке, литературе, истории, искусстве; говорится также о немецкоязычном «Журнале славистики» [Meiers, 1975, v. 12, s. 572].

Воздействия того, что можно назвать политическими импликациями, просматриваются даже в отечественной терминологии по славистике. Можно отметить примечательный момент: есть богемистика, болгаристика, полонистика, словакистика, есть и югославистика – все они связаны с изучением отдельных славянских народов; начал все чаще употребляться термин «русинистика», при этом русины трактуются то как украинский субэтнос, то как самостоятельный восточнославянский этнос. Что касается народов Западной Европы, – германистика, испанистика и скандинавистика, – но аналогичных терминов для исследований британцев, итальянцев и французов не обнаруживается (притом что широко бытует понятие американистика).

Меняются трактовки значения понятия «русистика». В отечественных справочных изданиях до конца 1980-х годов она определялась как «область филологии, изучающая русский язык и русскую литературу фольклор и культуру русского народа» [Советский, 1989, с. 1159]. Понятия «украинистика» и «белорусистика» в них

не приводились вовсе, хотя труды по этой предметной области множились; не упоминалась и такая область исследований, как русинистика. В современных словарях и электронных ресурсах дается более расширенное истолкование «русистики» – в ареал исследований по ней включаются также история и даже политика.

Все же славистические исследования, включая русистику, в своих первоосновах были и остаются интернационалистскими и по своим интенциям отличаются углубленным академизмом. Измышляемые же апелляции к ним для политически конъюнктурных целей, приемы и термины хотя и привлекают внимание политиков и идеологов, но со временем отбраковываются. При этом нужно подчеркнуть, что немецкие и английские ученые могли достигать вершин в мировых славистических исследованиях – причем после того, как занимались профильными исследованиями в России или будучи по рождению русскими.

Так, этнический немец М. Фасмер стал авторитетным русским славистом (именуемым Максимилианом Романовичем) до Октябрьской революции, достигнув профессуры по индоевропейскому языкознанию и славянской филологии в 1918 г. в Саратовском университете. С 1918 по 1921 г. преподавал в Тарту, а с 1921 г. – в Лейпциге и затем в Берлине. С 1928 г. Фасмер – член-корреспондент Академии наук СССР (он приезжал в Москву в 1956 и 1958 гг.). Вклад его в славистику и в частности русистику громаден: с 1925 по 1933 г. он подготовил и выпустил 12 томов исследований по славянской филологии и культурной истории, в 1925 г. учредил «Журнал славянской филологии», а в 1931 г. в Берлине Славянский институт. Однако наиболее значимым в этом плане можно считать подготовку к выпуску этимологического словаря русского языка. После смены власти в Германии Фасмер не снижал своей активности, участвуя в первом международном съезде славистов в 1929 г. в Праге, во втором в 1934 г. в Варшаве (а позже вызволяя из концлагеря польских славистов и привлекая их к своим разработкам). Работал Фасмер по созданию атласа языка лужицких сербов в 1933–1936 гг.; сначала его переименовали на язык «вендский» в духе «дойчтум» (неметчины), а в 1937 г. культурные учреждения по изучению данного субэтноса были ликвидированы.

Фундаментальные исследования, вылившиеся в издание ставшего всемирно известным «Этимологического словаря русского языка» при этом не прекращались. Точнее, прекратились, когда собранные материалы сгорели от взрыва английской бомбы в Берлине в 1944 г., но Фасмер в послевоенное время успешно восстановил их во многом по памяти. Помогали собирать материалы для словаря и в прошлом отечественные слависты – еврей Р.О. Якобсон и украинец Д.И. Чижевский, не говоря уже о поляках и чехах. Четырехтомный словарь в Германии вышел в 1950–1958 гг., а в 1964–1973 гг. был выпущен с дополнениями видного отечественного слависта О.Н. Трубачева – и сейчас его можно увидеть в любой научной библиотеке (остается загадкой: как нацистские власти терпели и даже финансировали деятельность Фасмера по созиданию этимологии языка славянских «унтерменшей»).

Д.Н. Святополк-Мирский (1890–1939) создает в Лондонской школе славистики свою двухтомную «Историю русской литературы», выпущенную на английском языке в 1925–1926 гг. Она до сих пор считается в англоязычных странах классическим учебником по истории русской литературы; ее статус в качестве такового лишь подтвержден с выпуском перевода книги на русский. Сам же бывший белогвардеец стал членом компартии Великобритании в 1931 г., а затем перебрался в СССР, встретив смертный час в концлагере под Магаданом. Примечательно, что издатели англоязычного «Славянского обозрения» требовали от князя-марксиста статей даже после его обращения в «новую веру» – лучших по сравнению с ним специалистов по русистике и славистике у них не отыскивалось.

Приведенные истории жизни великих славистов подтверждают, что постоянный спрос на подлинно академическую славистику неуничтожим при любых обстоятельствах, не будучи напрямую связан с политическими импликациями.

Контуры истории славистики

Отечественными исследователями контуры истории славистики и сопутствующего ей славянофильства более-менее упорядочены, хотя и по их поводу идут не только глубокомысленные

рассуждения, но и оригинальные исследования. Их начало(а) связываются с именем чешского «будителя» – предвозвестника национального возрождения Й. Добровского (1753–1829). До сих пор с точностью не установлено, кто первым предвосхитил появление идеи общеславянского возрождения: он или всё-таки И.Г. Гердер (1744–1803) – этот немецкий мыслитель, которого считают апологетом славянской идеи как контура духовной общности ряда народов, связанных общими языковыми узами. Некоторые его мысли предстают с исторической перспективы не только интересными, но и оригинальными при всей их парадоксальности. Так, именно он придавал статус новой Древней Греции современной ему Украине [Гердер, 1959, с. 324]; прославлялось им будущее и других славянских народов – при том, что они входили в состав трех разных империй, а Польша потеряла при жизни Гердера свою самостоятельность вследствие разделов.

Эстафету углубленных славистических исследований и политической доказательности славянофильства подхватили уже в XIX в. чешские будители Й. Юнгман и Ф. Палацкий, а также В. Ганка, Я. Коллар и Й. Шафарик (все три считаются этническими словаками). Они проявляли активность тоже не без воздействия немецких романтиков национального дела, хотя с их влиянием все же сражались. Будителями считались также представители большого числа славянских народов, ратующих за свое культурное возрождение.

Отечественное славянофильство позже начало преобразовываться в варианты панславизма – в варианте империи доминирующей в настоящем (русской) и возможной (польской) в будущем; «спор славян между собой», по слову А.С. Пушкина, при этом приобретал крайне острые формы. Не без элементов указанной состязательности в 1840-е годы начали возникать кафедры и научные сообщества, выпускались книги и журналы по славистике (и славянофильству, реже – панславизму). В 1835 г. были учреждены кафедры славянских литератур в четырех университетах страны, при этом для руководства ими подготовку проходили О.М. Бодянский в Москве, В.И. Григорович в Казани, И.И. Срезневский в Харькове, П.П. Прейс в Петербурге. Аналогичные кафедры в Париже и Лейпциге образовались пять лет спустя, хотя славистические исследования в Вене и Праге и в других городах проходили и

до их учреждения. Учредителем кафедры славистики в Париже оказался А. Мицкевич (1798–1855) в Колледж де Франс в 1840 г.; его лекции привлекали общее внимание. Лишь за стенами аудитории можно было узнать о его неприязни к России и склонности к польскому мистицизму; все славянские литературы, и в частности творения своего бывшего друга А.С. Пушкина, он первым открывал для западной аудитории.

В самом конце того же 1840 г. славистическая кафедра открылась в Венском университете, ее основал словенец Ф. Миклошич (1813–1891), чему содействовал тоже словенец В. Копитар (1786–1844). Открытие похожей кафедры в немецком Бреслау (Вроцлаве) в 1841 г. связывается с именем чеха Ф. Челаковского (1790–1852), в этом же году Шафарик написал записку «Размышления об организации изучения славянских языков в прусских университетах», на что откликнулся Берлин, введя соответствующую профессуру. В Англии славянская кафедра появилась в 1844 г. в институте Тэйлора, ее возглавлял поляк В. Красиньский. Лишь в 1879 г. аналогичная кафедра появилась в Болонском университете, а в США – несмотря на бурно растущий поток славян-переселенцев – она образовалась только в конце XIX в.

Следует особо отметить, что развитие славистики в России стало делом поистине интернациональным. Итак, первый призыв: русские М.П. Погодин и И.И. Срезневский, украинец О.М. Бодянский и русин Ю.И. Венелин, чех П.П. Прейс, немец А.Ф. Гильфердинг – как раз последнему было предназначено записывать онежские былины и описывать историю южных славян.

Второй призыв: русские А.Н. Пыпин и Т.Д. Флоринский, украинцы М.П. Драгоманов и И.Я. Франко и белорусы Е.Ф. Карский и А.С. Будилович, немец К.Я. Грот и хорват И.В. Ягич, наконец, обладатель русского имени Иван, выходец из Польши, род которого происходит едва ли не от французских королей, Бодуэн де Куртенэ.

Из третьего призыва отметим всего трех ученых-славистов с мировым авторитетом, ставших эмигрантами: русского князя, умершего после вызова в венское гестапо, создателя научного направления фонология Н.С. Трубецкого; украинца, отыскавшего для чехов фундаментальный труд Яна Амоса Коменского в немецком городе Галле, Д.И. Чижевского и упоминавшегося выше

Фасмера. Новые горизонты славистики открывались соратником Трубецкого по Пражскому лингвистическому кружку Р.О. Якобсоном с его идеями когнитивной лингвистики.

Обстоятельны индивидуальные и коллективные труды, посвященные истории славяноведения и славянофильства в России сотрудниками Института славяноведения РАН [Славяноведение, 1979; Славянский вопрос, 1997; Славянская идея, 1998; Досталь, 2009] и др., а также известным историком-славистом Л.П. Лаптевой [Лаптева, 2012]. Многие из их трудов являются образцовыми в плане изложения этапов развития и других гуманитарных научных направлений.

Славистике сегодня приходится развиваться в условиях противостояния между навязываемой ей политической ангажированностью и самозамыкающейся академичностью – при дискриминации целых направлений исследований. Реже и с нарушениями периодичности проходят, казалось бы, прочно устоявшиеся научные форумы, рвутся связи отечественных славистов со специалистами из славянских стран, искажаются форматы научного диалога. На это указывалось в выступлениях ведущих отечественных славистов на третьем всероссийском совещании, которое вызывает особый интерес на фоне ожидавшегося в 2023 г. международного съезда славистов, перенесенного на два года вперед.

Всероссийские совещания по славистике

Первое всероссийское совещание по славистике с 180 участниками проходило 23–24 октября 2003 г. под лозунгом «Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития» с участием 180 российских и зарубежных ученых. До этого всесоюзные совещания славистов проходили чаще: 1961 и 1962 гг. – Москва, 1963 г. – Киев, 1966 г. – Воронеж, 1968 г. – Минск, 1970 г. – Харьков, 1973 г. – Львов, 1975 г. – Черновцы, 1978 г. – Донецк, 1982 г. – Ужгород, 1985 г. – Харьков, 1988 г. – Минск, 1990 г. – Москва. (На Украине 7 из 12 конференций, причем на Украине Западной – 3 из 7).

Один из его организаторов В.К. Волков отметил, что в новых условиях начала тысячелетия славяноведение становится наукой, влияющей на выработку концепции национальных госу-

дарственных интересов России. Это не отменяло произнесенной им установки на интегральное славяноведение (этот термин, однако, не получил широкого распространения) как направление фундаментальных академических исследований.

На совещании подчеркивалось, что в мировой науке славянский мир все еще рассматривается как единое целое, поэтому славяноведение значимо для понимания векторов развития человечества в целом. Было указано, что за два месяца до этого в августе 2003 г. в столице уже 13 лет самостоятельной Словении Любляне прошел все тот же 13-й международный съезд славистов с участием 618 ученых из 37 стран, включая 70 российских. На нем обсуждались практически те же проблемы, что и в Москве.

В 2013 г. прошло второе всероссийское совещание, привязанное к таким датам, как 1150-летие славянской письменности и 110-летие съезда русских славистов в Санкт-Петербурге. Акцент в почти 300 докладах, включая 30, представленных учеными из зарубежных славянских стран, был поставлен на исторических исследованиях в контексте усложняющихся проблем современного славянства. Авторитет славистики, в первую очередь отечественной, признавался в полной мере; фоном совещанию стал прошедший в августе 15-й международный съезд славистов в Минске (16-й международный съезд состоялся в августе 2018 в Белграде; в нем приняли участие более 300 человек, включая 47 гостей из регионов и 41 из других государств). Особое внимание на совещании было уделено украинистике и белорусистике. Отмечалось, что в 2013 г. праздновалось 200-летие со дня рождения Петра Негоша, великого серба, митрополита и правителя, ученого и поэта. Говорилось и об удивительном 1814 г., когда среди славян Российской империи появились три ключевые бунтарские фигуры, ей противостоявшие: во имя личности (М.Ю. Лермонтов), народа (Т.Г. Шевченко) и общества (М.А. Бакунин с его отрицанием государства) – им предполагалось посвятить отдельные встречи.

Третье совещание предшествовало празднованию 300-летия Академии наук; отмечалось, что в ее рамках, равно как и в университетских центрах, развитию славистических исследований уделялось первостепенное внимание.

В докладе одного из его организаторов, директора Института славяноведения РАН К.В. Никифорова, выделены пять перио-

дов развития отечественных исследований в русле научной славистики. Он подчеркнул, что в ходе *первого* в 1835 г. были учреждены кафедры славянских литератур в университетах Российской империи, затем они появились в Париже и Лейпциге. Начало *второго* периода связывается с образовательными и научными реформами 1860-х годов, при этом проблемы славянских исследований начали широко трактоваться в ракурсе не только языкознания и литературоведения, но и истории, юриспруденции, экономических наук. *Третий* период начался с 1890-х годов и характеризовался усилением роли Академии наук особенно Отделения русского языка и словесности, учрежденного еще в 1841 г. Его председатели И.И. Срезневский (1865–1880), Я.К. Грот (1884–1893), А.Н. Веселовский (1901–1906), А.А. Шахматов (1906–1920), а также ведущие члены составляли славу мировой славистической науки.

С 1917 по 1946 г., отметил Никифоров, можно говорить, скорее, о существовании, чем о развитии славистики. Неудачной оказалась попытка организовать профильный институт во второй половине 1920-х годов, за который ратовали посол в Чехословакии В.А. Антонов-Овсеенко, а также видные ученые Р.О. Якобсон (он встречался по этому вопросу с президентом страны Т.Г. Масариком), П.Г. Богатырев и А.М. Селищев, оставившие глубокий след в славистических исследованиях [Станков, 2024]. Правда, как раз в 1932–1934 гг. функционировал первый Институт славяноведения в Ленинграде в рамках Академии наук, учрежденный Н.С. Державиным. Все же в Москве 5 октября 1941 г. был создан Всеславянский комитет, преобразованный в дальнейшем в Славянский комитет (1947–1991). С 1942 г. начал выходить журнал «Славяне», который в ряде моментов координировал славистические исследования и публиковал их результаты.

Подъем славистических исследований на *четвертом* этапе – с 1946 по 1989 г. – связан с деятельностью Института славяноведения, который наладил плодотворные связи с университетскими центрами; в его рамках постоянно рос удельный вес исследований исторического характера (пять из шести его руководителей – историки и один – филолог). Начал выходить журнал «Советское славяноведение», создавались научные труды и защищались диссертации. Восстановились международные съезды славистов, причем они проходили в основном в славянских странах, но собирали сла-

вистов со всего мира. Сформировалась во многом уникальная по оригинальности разработок школа советской славистики, включающая ученых мирового уровня, она обогатила ее предметное поле новыми идеями и исследовательскими процедурами (Никифоров, 2018, 2021). В завершение доклада Никифоров подчеркнул, что *пятый* период начался с 1989 г. с крушением социализма в славянских странах и характеризуется поиском и закреплением новых путей развития славистики.

Даже самый общий взгляд на тематику публикаций в журнале «Славяноведение» с этого времени указывает на примерно равную представленность культурологической (филология плюс литературоведение) и политико-исторической тематики. Так, примерно в шести номерах за 2023 г. 22 статьи были посвящены проблемам истории (включая всего пять по текущей истории – с конца 1980-х годов) и 20 – по разным аспектам культуры; примерно в том же соотношении распределяются сообщения, обзоры, информация о научной жизни.

На третьем совещании подчеркивалась настоятельность синергии истории и филологии в славистических исследованиях, расширения их фронта, активизации работы славистов не только в центре, но и на местах. Инновационные подходы, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), отвечая на вызовы времени, продолжали при этом традиции глубокого академизма. Отечественные слависты, следуя ей, предприняли меры по продолжению работы комиссий, которые были вынуждены свернуть свои программы в основном по инициативе политических кругов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Ангажированные ими удары по академической славистике привели к прекращению работы комиссий историков России и славянских стран, включая комиссию историков России и Польши. Все же в рамках совещания прошло заседание ее российской части, заявлена и его тема – «Социально-политические движения в истории России и Польши». 23 апреля 2024 г. состоялось аналогичное заседание российской части комиссии историков России и Словакии по теме «Россия – Словакия: страницы истории». В обоих случаях готовятся сборники статей на основе выступлений с возможным участием зарубежных авторов. Тем самым сохраняет-

ся преемственность работы комиссий, что может стать основой полноформатного возобновления их научной деятельности.

Перспективы развития лексикографии и лексикологии

Лексикография и лексикология в отечественной славистике всегда находились на передних рубежах развития гуманитарных наук. Сегодня они прогрессируют с введением новых исследовательских процедур, связанных с ИКТ, но могут расширяться также по линии развития таких предметных областей, как история идей (Ideengeschichte), история понятий (Begriffsgeschichte) и история ментальностей.

Первая научно обосновывалась в основном немецкоязычными исследователями с 1920-х годов, хотя ряд работ по славистике и особенно русистике обосновывались отечественными мыслителями Р.В. Ивановым-Разумником и Г.В. Плехановым, чешским Т.Г. Масариком, а в эмиграции – Святополк-Мирским. Славянская идея в расширенной интерпретации истории идей обнаруживает свои контуры еще у Ю. Крижанича (1618–1683), в чем-то похоже она трактуется Гердером и затем «будителями» – чехами Шафариком и Юнгманом и словаками Колларом и Штуром. Они оказали мощное воздействие на русскоязычных славистов и славянофилов.

Вторая связывается с именем Р. Козеллека (Козеллек, 2006) в его статье 1979 г. Этот ученик философа Г.-Г. Гадамера особо сосредоточивается на процессах сингулярного характера, уделяя внимание феномену того, что именуется разнородными «народными субстанциями»; данные субстанции характеризуются в ходе истории специфическими понятиями. Выделенная им предметная область исследований в отечественном варианте опирается на широкую базу исторических и лексических исследований; она нашла отражение в трудах, подготовленных в Институте славяноведения М.Ю. Досталь и В.А. Дьяковым [Славянский вопрос, 1997; Славянская идея, 1998], и продолжается К.В. Никифоровым [Никифоров, 2021].

Третье – франкоязычное направление – связано со Школой «Анналов», анализирующей историю ментальностей (histoiredes-mentalites) европейских народов, в первую очередь французского. Соответствующие исследования так или иначе проводились и в

отечественной славистике; в настоящее время намечаются новые шаги по их своеобразной академической институционализации и одновременно смысловой насыщенности.

Во всех данных направлениях отечественными учеными была проведена работа с заметными результатами во многом на материалах славистики. Это касается в первую очередь анализа Г.Д. Гачевым болгарского психо-космо-логоса, рассмотренного им; затрагивал он национальные образы и других славянских народов [Гачев, 2007; Гачев, 2008]. Национальные образы польского этноса рассмотрены в русле ментальных исследований [Бухарин, Ракитянский, 2020].

Примечательно в этом плане соотношение истории идей с историей ментальностей, которые соотносятся как часть и целое, поскольку во вторую входят также истории демографии, религии, культуры и даже климата. Это предполагалось основателями Школы «Анналов», но в качестве программы исследований сформировалось позже [Шартье, 2004].

Намеченным Гачевым исследованиям славянской ментальности нужны новые подвижки. В частности, в этом плане возможно проведение линии на некую демаркацию между славистикой и славяноведением. Второе как раз четче связано с национальными образами мира славянских народов, что требует нового взгляда не только на культурные, но и на политические траектории их развития в ходе истории. Славистика требует, скорее, наблюдений и исчислений, ведь «ведение» имплицитно предполагает истолкование.

Могут четче провести эту линию новейшие концепты философии науки – сложность и сложностность, отраженные в формуле NBIC (S) [Алексеева, 2016]. Под первой понимаются рядоположные категории нано-, био-, инфо-, когни-; к сложностности добавляется субъект, ими оперирующий. С некоторыми упрощениями славистику можно идентифицировать со сложностью, а славяноведение со сложностностью. Включение (стно) предполагает моменты достраивания эмпирических исследований моментами оценивания со стороны субъекта, который ими занимается – будет это отдельный ученый, группа или некая институция. С опорой на так трактуемую категорию «субъект» проясняются личностные профили видных ученых-славистов – без акцента не только на их этническом происхождении, но и на исследовательских профилях.

Берестяные грамоты

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен берестяных грамот, открытие и интерпретация которых внесли новое слово в славистические исследования. В целом их всесторонний анализ составляет динамичную исследовательскую область, постоянно пополняющуюся новыми разработками. Первая из этих грамот была зафиксирована А.В. Арциховским 26 июля 1951 г. в Новгороде; в августе 2022 г. их число достигло 1154, а к июлю 2023 – 1168 (всего вне Новгорода найдено более 100 грамот. Второе место заняла Старая Русса с 58 грамотами, есть они и в других городах, включая Москву), дальнейшие поиски проводились под научным руководством В.Л. Янина. Принципиально новые шаги в их интерпретации были предприняты в Институте славяноведения и связывались с именами А.А. Зализняка и А.А. Гиппиуса, которые выявили и проанализировали в русле славистики их коммуникационную неоднородность, включая элементы прагматики. В настоящее время проводится их сравнивание с другими носителями письма, в частности эпиграфикой во всем ее содержательном богатстве. Она имплицитно коррелируется с берестяными грамотами, являя собой некие окна в мир, содержащие как апелляции к Богу (включая при этом древнеболгарские элементы), так и выход на реальные дела. Фактически это свидетельствует о том, что словесность в разных частях восточнославянского мира служила обеспечению жизненных потребностей самых разных слоев тогдашних обществ.

Новые направления исследований берестяных грамот высвечиваются с учетом дополнительных аспектов в истолковании используемой в них древнерусской азбуки, включающего моменты нумерологического (буквы азбуки использовались, как в других древних языках, для обозначения цифр и чисел) и даже историософского характера в их содержании. Результаты этих истолкований привлекают внимание не только ученых, но и широких кругов тех, кто интересуется отечественной письменностью и историей, а также русской и славянской ментальностями, причем соответствующая проблематика вызывает интерес со стороны не только научных кругов. В связи с этим примечательна публикация «Российской газеты» под многослойным названием: «Праздник.

Почему в эпоху цифры так важна буква? Азъ грамоту познаю» [Российская, 2024]. В ней, в частности, отмечалось, что филолог из Карельского государственного педагогического института (а затем Петрозаводского государственного университета), прямой потомок А.С. Пушкина, автор трудов по палеорусистике и лингвоэкологии Л.В. Савельева выразила свое ви́дение букв старославянской азбуки (на первой Петрозаводской международной конференции «Евангельский текст в русской литературе», 1993 г.). По ее расшифровке алфавита ритмически и даже мелодически азбучный именник звучал в переводе на современный язык так: «Я грамоту познаю. Говори: добро существует! Живи совершенно, земля! Но как? Люди, размышляйте!» Эта вызывающая дискуссии трактовка все же признается допустимой и даже уместной растущим числом не только славяноведов, но и представителей других областей знания.

Если открытие феномена почти трехчетвертьвековой давности можно было соотносить с неким науковедческим ареалом русистики, то дальнейшие их поиски показали тенденции включения в ареал славистики. Так, две берестяные грамоты отыскались в 1980 г. в Белоруссии (г. Мстиславль), а в 1988–1989 гг. – еще две на Украине (в г. Звенигороде Галицком); появляются сведения и о новых находках. Они есть в Польше или Литве, но широким интерпретациям феномен берестяных грамот там не подвергается. Примечателен следующий факт: по трудно объяснимым причинам об открытиях в Новгороде не упоминалось вплоть до 1953 г., лишь в 1960 г. наметился прорыв в их осмыслении и интерпретации. С появлением трудов Зализняка можно говорить о переходе этих интерпретаций из предметной области «история повседневности» в область «история ментальностей».

Методики расшифровки и интерпретации как берестяных грамот, так и эпиграфики в их сочетании значимы для разработок того, что именуется историей повседневности и выхода в исследования славянской ментальности. Славяноязычные ареалы распространения берестяных грамот фактически вскрывают те социальные структуры и культурные пласты, которые наглядно демонстрируют высокий уровень цивилизационного развития «окраин Европы», а по сути – устоявшихся человеческих сообществ на высших уровнях развития того времени.

Исследования берестяных грамот содействуют реализации проектов «Общеславянского лингвистического атласа» и «Этимологического словаря славянских языков», тщательному изучению разноязычных вариантов Славянской Библии и сопутствующих ей литургических текстов, вариантов гимнографии, а также наследия Кирилла и Мефодия в его интегрирующих проявлениях. Важным событием в этом плане явилось открытие в 2000 г. Новгородского кодекса на трех восковых табличках – тысячу лет спустя его создания.

В настоящее время в изучении более тысячи берестяных грамот особо тщательно исследуется присущее им бытовое письмо, что открывает новую перспективу славистических исследований. Привлекается к их изучению и набор новейших исследовательских процедур с опорой на компьютеры: цифровые фотографии, рентген, электронные ресурсы. В этом направлении более 15 лет работает сайт gramoty.ru

Фактически анализ феномена берестяных грамот – предельно яркая страница славистики, свидетельствующая о том, что письмо и даже словесность в разных частях восточнославянского мира служили обеспечению жизненных потребностей самых разных слоев тогдашнего общества. Исследования в данном направлении лишь интенсифицируются по следующим причинам: во-первых, увеличивается число берестяных грамот и мест их находок; во-вторых, они интенсивнее сопоставляются с другими носителями письменности, включая эпиграфику, восковые таблички, петроглифы и т.д., в-третьих, привлекаются новые информационные технологии для прояснения их фактуры и содержания.

Заключение

Как показывает текущая история славистики, в ее рамках исторические исследования комплементарно дополняются исследованиями языка и культуры, не суживая, а как раз расширяя ее диапазоны. Поэтому отечественное славяноведение по ширине охвата и глубине анализа в этом ракурсе все чаще начинают сравнивать с востоковедением, которое представляет совокупность научных дисциплин, изучающих страны Востока, подразделяясь на крупнейшие региональные отрасли: арабистику, синологию, индоло-

гию и др. При этом в их рамках имеет место продуктивная сцепляемость знаний разнородного характера и большая по сравнению со славяноведением выраженность политических импликаций.

Современная славистика в целом находится на подъеме, потому что славянство изучается особо тщательно во всех ее этнических обличиях и вследствие того, что в ней происходит смена генераций исследователей. В прежних генерациях в зарубежных странах доминировали наряду с носителями начал академизма и политически ангажированные советологи. Они не предвидели распада СССР и падения авторитета восточнославянских народов, что понизило авторитет их исследований.

В настоящее время зарубежные слависты начинают восстанавливать многие отправленные в бессрочный отпуск аналитические славистические центры и структуры – исследовательские и образовательные. Амплитуда славистических исследований в их рамках может расширяться за счет полностью компьютеризированных приемов, но она подвержена лоббированию со стороны идеологий и политических коннотаций в критике идей славянского единства.

Всё же в целом на отечественную и зарубежную славистику возлагается усложняющаяся миссия оживления общей памяти славян о своей общей культуре и истории [Zadorozhnyuk, 1993]. Она реализуется как через реконструкцию почти полностью отрицаемых сегодня идей их единения в ходе рассмотрения исторических реалий прошлого, так и главным образом через обновляющиеся методы научных исследований теоретического и в основном эмпирического характера.

Список литературы

Алексеева И. Ю, Аршинов В.И. Информационное общество и НБИКС. – Москва: Изд-во ИФ РАН, 2016. – 106 с.

Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша: Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. – Москва: Институт русской цивилизации, 2020. – 944 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – Москва: Эксмо, 2008. – 541 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Болгария в сравнении с Россией. – Москва: Институт славяноведения, 2007. – 319 с.

Гердер И.Г. Избранные сочинения. – Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1959. – 462 с.

Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла… Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. – Москва: Индрик, 2009. – 463 с.

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX в. – 2006. – Вып. 5. – С. 33–53.

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – Москва: Индрик, 2012. – 840 с.

Никифоров К.В. Славистические исследования в современной России. – 2018. – URL: https://inslav.ru/event/publichnaya-lekciya-k-v-nikiforova-v-preshovskom-universitete (дата обращения: 11.06.2024).

Никифоров К.В. Славистические исследования в России [Электронный ресурс] // Chinese Journal of Slavic Studies. – 2021. – Vol. 1, N 1. – С. 1–19. – URL: https://doi.org/10.1515/cjss-2021-2005 (дата обращения: 18.04.2024).

Российская газета. – 2024. – 24 мая. – № 9354.

Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиографический словарь / отв. ред. В.А. Дьяков. – Москва: Наука, 1979. – 426 с.

Славянская идея: история и современность / отв. ред. В.А. Дьяков. – Москва: Институт славяноведения РАН, 1998. – 174 с.

Славянский вопрос: Вехи истории / отв. ред. М.Ю. Досталь. – Москва: Институт славяноведения и балканистика РАН, 1997. – 212 с.

Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с.

Станков Н.Н. К истории создания Института славяноведения в Советском Союзе: «Пражский» проект 1924–1925 // Славяноведение. – 2024. – № 1. – С. 115–129.

Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 32. – С. 16–27.

Grane Enciclopedia Italiana. – Rome, 1987. – Vol. 18. – 680 s.

Meiers Neues Lexicon. – Berlin, 1975. – Bd. 12. – 787 s.

Oxford Dictionary of Historical Principles. – Oxford, 1967. – Vol. 2. – 2480 p.

Oxford English Dictionary. – Oxford, 1989. – Vol. 15. – 980 p.

Zadorozhnyuk E.G. Instrument of Unity: Love or Steel // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 1993. – Vol. 63, N 12. – P. 1103–1109.

References

Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I. Information Society and NBIKS. – Moscow: Publishing House of the IF RAS. – 2011. – 106 p. (In Russ.)

Bukharin S.N., Rakityansky N.M. Russia and Poland: Experience in political and psychological research of the phenomenon of limitrophization. – Moscow: Institute of Russian Civilization. – 2020. – 944 p. (In Russ.)

Chartier R. Intellectual History and the History of Mentality: Double Reassessment // New Literary Review – 2004.– N 32. – P. 16–27. (In Russ.)

Dostal M.Yu. Like a Phoenix from the ashes... Domestic Slavic studies during the Second World War and the first post-war years.– Moscow: Indrik. – 2009. – 463 p. (In Russ.)

Gachev G.D. National images of the world. Bulgaria versus Russia. – Moscow: Institute of Slavic Studies. – 2007. – 319 p. (In Russ.)

Gachev G.D. Mentality of the peoples of the world. – Moscow: Eksmo. – 2008. – 541 p. (In Russ.)

Grane Enciclopedia Italiana. – Rome. Vol. 18. – 1987. – 680 p.

Herder I.G. (1959). Selected writings. – Moscow-Leningrad. – 1959. – 462 p. (In Russ)

Kozelek R. Social history and history of concepts // Historical concepts and political ideas in Russia of the XVI–XX centuries. – St. Petersburg: Aleteya. – 2006. – Iss. 5. – P. 33–53. (In Russ.)

Lapteva L.P. History of Slavic studies in Russia at the end of the XIX-first third of the XX century. – Moscow: Indrik. – 2012. – 840 p. (In Russ.)

Meiers Neues Lexicon. – Berlin. – 1975. – Vol. 12. – 787 s.

Nikiforov K.V. Slavic studies in modern Russia. – 2018. – URL: https://inslav.ru/event/publichnaya-lekciya-k-v-nikiforova-v-preshovskom-universitete (accessed: 11.06.2024). (In Russ.)

Nikiforov K.V. Slavic studies in Russia //Chinese Journal of Slavic Studies. – 2021. – Vol. 1, N 1. – pp. 1–19. – URL: https://doi.org/10.1515/cjss-2021-2005 (accessed: 18.04.2024). (In Russ.)

Oxford Dictionary of Historical Principles. (1967). – Oxford. – 1967. – Vol. II. – 2480 p.

Oxford English Dictionary. – Oxford. – 1989. – Vol. 15. – 980 p.

Russian newspaper. – 2024. – May 24. – № 9354. (In Russ.)

Slavic idea: history and modernity. Resp. ed. V.A. Dyakov. – Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. – 1998. – 174 p. (In Russ.)

Slavic studies in pre-revolutionary Russia. Bio-bibliographic dictionary. Resp. ed. V.A. Dyakov. – Moscow: Nauka. – 1979. – 426 p. (In Russ.)

Slavic question: Milestones of history. Resp. ed. M.Yu. Dostal. – Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. – 1997. – 212 p. (In Russ.)

Soviet encyclopedic dictionary. – Moscow: Soviet Encyclopedia. – 1989. – 1633 p. (In Russ.)

Stankov N.N. On the History of Foundation of Institute of Slavic Studies in Soviet Union: «The Prague» Projekt. 1925–1926 // Slavic Studies. – 2024. – N 1. – P. 115–129. (In Russ)

Zadorozhnyuk E.G. Instrument of Unity: Love or Steel //Herald of the Russian Academy of Sciences. – 1993. – Vol. 63. N 12. – P. 1103–1109. (In Russ)